

Эвгенин Онегин

А.С. Пушкин

Роман в стихах

Не мысля гордый свет забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотел бы я тебе представить
Залог достойнее тебя,
Достойнее души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзии живой и ясной,
Высоких дум и простоты;
Но так и быть — рукой пристрастной
Прими собранье пестрых глав,
Полусмешных, полупечальных,
Простонародных, идеальных,
Небрежный плод моих забав,
Бессонниц, легких вдохновений,
Незрелых и увядших лет,
Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.

Глава 1

Capitolo 7

*Москва, России дочь любима,
Где равную тебе сыскать?
Дмитриев.
Как не любить родной Москвы?
Баратынский.
Гоненье на Москву! что значит видеть свет!
Где ж лучше?
Где нас нет.
Грибоедов.*

I

Гонимы внешними лучами,
С окрестных гор уже снега
Сбежали мутными ручьями
На потопленные луга.
Улыбкой ясною природа
Сквозь сон встречает утро года;
Синея блещут небеса.
Еще прозрачные, леса
Как будто пухом зеленеют.
Пчела за данью полевой
Летит из кельи восковой.
Долины сохнут и пестреют;
Стада шумят, и соловей
Уж пел в безмолвии ночей.

II

Как грустно мне твоё явление,
Весна, весна! пора любви!
Какое томное волнение
В моей душе, в моей крови!
С каким тяжёлым умилением

Я наслаждаюсь дуновеньем
В лицо мне веющей весны
На лоне сельской тишины!
Или мне чуждо наслажденье,
И все, что радует, живит,
Все, что ликует и блесит
Наводит скуку и томленье
На душу мертвую давно
И все ей кажется темно?

III

Или, не радуясь возврату
Погибших осенью листов,
Мы помним горькую утрату,
Внимая новый шум лесов;
Или с природой оживленной
Сближаем дуною смущенной
Мы увяданье наших лет,
Которым возрожденья нет?
Быть может, в мысли нам приходит
Средь поэтического сна
Иная, старая весна
И в трепет сердце нам приводит
Мечтой о дальней стороне,
О чудной ночи, о луне...

IV

Вот время: добрые ленивцы,
Эпикурейцы-мудрецы,
Вы, равнодушные счастливыцы,
Вы, школы Левшина птенцы,
Вы, деревенские Приамы,
И вы, чувствительные дамы,
Весна в деревню вас зовет,
Пора тепла, цветов, работ,
Пора гуляний вдохновенных
И соблазнительных ночей.
В поля, друзья! скорей, скорей,
В каретах, тяжело нагруженных,
На долгих иль на почтовых
Тянитесь из застав градских.

V

И вы, читатель благосклонный,
В своей коляске выписной
Оставьте град неугомонный,
Где веселились вы зимой;

С моею музой своенравной
 Пойдемте слушать шум дубравный
 Над безыменною рекой
 В деревне, где Евгений мой,
 Отшельник праздный и унылый,
 Еще недавно жил зимой
 В соседстве Тани молодой,
 Моей мечтательницы милой,
 Но где его теперь уж нет. . .
 Где грустный он оставил след.

VI

Меж гор, лежащих полукругом,
 Пойдем туда, где ручеек,
 Виясь, бежит зеленым лугом
 К реке сквозь липовый лесок.
 Там соловей, весны любовник,
 Всю ночь поет; цветет шиповник,
 И слышен говор ключевой,
 Там виден камень гробовой
 В тени двух сосен устарелых.
 Пришельцу надпись говорит:
 «Владимир Ленский здесь лежит,
 Погибший рано смертью смелых,
 В такой-то год, таких-то лет.
 Покойся, юноша-поэт!»

VII

На ветви сосны преклоненной,
 Бывало, ранний ветерок
 Над этой урною смиренной
 Качал таинственный венок.
 Бывало, в поздние досуги
 Сюда ходили две подруги,
 И на могиле при луне,
 Обнявшись, плакали оне.
 Но ныне. . . памятник унылый
 Забыт. К нему привычный след
 Заглох. Венка на ветви нет;
 Один, под ним, седой и хилый
 Пастух по-прежнему поет
 И обувь бедную плетет.

VIII. IX. X

Мой бедный Ленский! изнывая,
 Не долго плакала она.
 Увы! невеста молодая

Своей печали неверна.
Другой увлек ее вниманье,
Другой успел ее страданье
Любовной лестью усыпить,
Улан умел ее пленить,
Улан любим ее душою...
И вот уж с ним пред алтарем
Она стыдливо под венцом
Стоит с поникшей головою,
С огнем в потупленных очах,
С улыбкой легкой на устах.

XI

Мой бедный Ленский! за могилой
В пределах вечности глухой
Смутился ли, певец унылый,
Измены вестью роковой,
Или над Летою усыпленный
Поэт, бесчувствием блаженный,
Уж не смущается ничем,
И мир ему закрыт и нем?..
Так! равнодушное забвенье
За гробом ожидает нас.
Врагов, друзей, любовниц глас
Вдруг молкнет. Про одно именье
Наследников сердитый хор
Заводит непристойный спор.

XII

И скоро звонкий голос Оли
В семействе Лариных умолк.
Улан, своей невольник доли,
Был должен ехать с нею в полк.
Слезами горько обливаясь,
Старушка, с дочерью прощаясь,
Казалось, чуть жива была,
Но Таня плакать не могла;
Лишь смертной бледностью покрылось
Ее печальное лицо.
Когда все вышли на крыльцо,
И все, прощаясь, суетилось
Вокруг кареты молодых,
Татьяна проводила их.

XIII

И долго, будто сквозь тумана,
Она глядела им вослед...

И вот одна, одна Татьяна!
 Увы! подруга стольких лет,
 Ее голубка молодая,
 Ее наперсница родная,
 Судьбою вдаль занесена,
 С ней навсегда разлучена.
 Как тень она без цели бродит,
 То смотрит в опустелый сад. . .
 Нигде, ни в чем ей нет отрад,
 И облегченья не находит
 Она подавленным слезам,
 И сердце рвется пополам.

XIV

И в одиночестве жестоком
 Сильнее страсть ее горит,
 И об Онегине далеко
 Ей сердце громче говорит.
 Она его не будет видеть;
 Она должна в нем ненавидеть
 Убийцу брата своего;
 Поэт погиб. . . но уж его
 Никто не помнит, уж другому
 Его невеста отдалась.
 Поэта память пронеслась
 Как дым по небу голубому,
 О нем два сердца, может быть,
 Еще грустят. . . На что грустить?..

XV

Был вечер. Небо меркло. Воды
 Струились тихо. Жук жужжал.
 Уж расходились хороводы;
 Уж за рекой, дымясь, пылал
 Огонь рыбакий. В поле чистом,
 Луны при свете серебристом,
 В свои мечты погружена,
 Татьяна долго шла одна.
 Шла, шла. И вдруг перед собою
 С холма господский видит дом,
 Селенье, рошу под холмом
 И сад над светлою рекою.
 Она глядит — и сердце в ней
 Забилося чаще и сильнее.

XVI

Ее сомнения смущают:

«Пойду ль вперед, пойду ль назад?..
Его здесь нет. Меня не знают...
Взгляну на дом, на этот сад».
И вот с холма Татьяна сходит,
Едва дыша; кругом обводит
Недоуменья полный взор...
И входит на пустынный двор.
К ней, лая, кинулись собаки.
На крик испуганный ея
Ребят дворовая семья
Сбежалась шумно. Не без драки
Мальчишки разогнали псов,
Взяв барышню под свой покров.

XVII

«Увидеть барской дом нельзя ли?»
Спросила Таня. Поскорей
К Анисье дети побежали
У ней ключи взять от сеней;
Анисья тотчас к ней явилась,
И дверь пред ними отворилась,
И Таня входит в дом пустой,
Где жил недавно наш герой.
Она глядит: забытый в зале
Кий на бильярде отдыхал,
На смятом канапе лежал
Манежный хлыстик. Таня дале;
Старушка ей: «А вот камин;
Здесь барин сиживал один.

XVIII

Здесь с ним обеживал зимою
Покойный Ленский, наш сосед.
Сюда пожалуйста, за мною.
Вот это барский кабинет;
Здесь почивал он, кофеи кушал,
Приказчика доклады слушал
И книжку поутру читал...
И старый барин здесь живал;
Со мной, бывало, в воскресенье,
Здесь под окном, надев очки,
Играть изволил в дурачки.
Дай бог душе его спасенье,
А косточкам его покой
В могиле, в мать-земле сырой!»

XIX

Татьяна взором умиленным
 Вокруг себя на все глядит,
 И все ей кажется бесценным,
 Все душу томную живит
 Полумучительной отрадой:
 И стол с померкшею лампадой,
 И груда книг, и под окном
 Кровать, покрытая ковром,
 И вид в окно сквозь сумрак лунный,
 И этот бледный полусвет,
 И лорда Байрона портрет,
 И столбик с куклою чугунной
 Под шляпой с пасмурным челом,
 С руками, сжатыми крестом.

XX

Татьяна долго в келье модной
 Как очарована стоит.
 Но поздно. Ветер встал холодный.
 Темно в долине. Роща спит
 Над отуманенной рекою;
 Луна сокрылась за горою,
 И пилигримке молодой
 Пора, давно пора домой.
 И Таня, скрыв свое волнение,
 Не без того, чтоб не вздохнуть,
 Пускается в обратный путь.
 Но прежде просит позволения
 Пустынный замок навещать,
 Чтоб книжки здесь одной читать.

XXI

Татьяна с ключницей простилась
 За воротами. Через день
 Уж утром рано вновь явилась
 Она в оставленную сень.
 И в молчаливом кабинете,
 Забыв на время все на свете,
 Осталась наконец одна,
 И долго плакала она.
 Потом за книги принялася.
 Сперва ей было не до них,
 Но показался выбор их
 Ей странен. Чтенью предалася
 Татьяна жадною душой;
 И ей открылся мир иной.

XXII

Хотя мы знаем, что Евгений
Издавна чтение разлюбил,
Однако ж несколько творений
Он из опалы исключил:
Певца Гяура и Жуана
Да с ним еще два-три романа,
В которых отразился век
И современный человек
Изображен довольно верно
С его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмерно,
С его озлобленным умом,
Кипящим в действии пустом.

XXIII

Хранили многие страницы
Отметку резкую ногтей;
Глаза внимательной девицы
Устремлены на них живей.
Татьяна видит с трепетаньем,
Какою мыслью, замечаньем
Бывал Онегин поражен,
В чем молча соглашался он.
На их полях она встречает
Черты его карандаша.
Везде Онегина душа
Себя невольно выражает
То кратким словом, то крестом,
То вопросительным крючком.

XXIV

И начинает понемногу
Моя Татьяна понимать
Теперь яснее — слава богу —
Того, по ком она вздыхать
Осуждена судьбою властной:
Чудак печальный и опасный,
Созданье ада иль небес,
Сей ангел, сей надменный бес,
Что ж он? Ужели подражанье,
Ничтожный призрак, иль еще
Москвич в Гарольдовом плаще,
Чужих причуд истолкованье,
Слов модных полный лексикон?..

Уж не пародия ли он?

XXV

Ужель загадку разрешила?
 Ужели слово найдено?
 Часы бегут; она забыла,
 Что дома ждут ее давно,
 Где собрались два соседа
 И где об ней идет беседа.
 — Как быть? Татьяна не дитя,
 Старушка молвила кряхтя.
 Ведь Оленька ее моложе.
 Пристроить девушку, ей-ей,
 Пора; а что мне делать с ней?
 Всем наотрез одно и то же:
 Нейду. И все грустит она,
 Да бродит по лесам одна.

XXVI

«Не влюблена ль она?» — В кого же?
 Буянов сватался: отказ.
 Ивану Петушкову — тоже.
 Гусар Пыхтин гостил у нас;
 Уж как он Танею прельщался,
 Как мелким бесом рассыпался!
 Я думала: пойдет авось;
 Куда! и снова дело врозь.
 «Что ж, матушка? за чем же стало?
 В Москву, на ярманку невест!
 Там, слышно, много праздных мест».
 — Ох, мой отец! доходу мало.
 «Довольно для одной зимы,
 Не то уж дам хоть я взаймы».

XXVII

Старушка очень полюбила
 Совет разумный и благой;
 Сочлась — и тут же положила
 В Москву отправиться зимой.
 И Таня слышит новость эту.
 На суд взыскательному свету
 Представить ясные черты
 Провинциальной простоты,
 И запоздалые наряды,
 И запоздалый склад речей;
 Московских франтов и цирцей
 Привлечь насмешливые взгляды!..

О страх! нет, лучше и верней
В глуши лесов остаться ей.

XXVIII

Вставая с первыми лучами,
Теперь она в поля спешит
И, умиленными очами
Их озирая, говорит:
«Простите, мирные долины,
И вы, знакомых гор вершины,
И вы, знакомые леса;
Прости, небесная краса,
Прости, веселая природа;
Меняю милый, тихий свет
На шум блистательных сует...
Прости ж и ты, моя свобода!
Куда, зачем стремлюся я?
Что мне сулит судьба моя?»

XXIX

Ее прогулки делятся доле.
Теперь то холмик, то ручей
Останавливают поневоле
Татьяну прелестью своей.
Она, как с давними друзьями,
С своими рощами, лугами
Еще беседовать спешит.
Но лето быстрое летит.
Настала осень золотая.
Природа трепетна, бледна,
Как жертва, пышно убрана...
Вот север, тучи нагоняя,
Дохнул, завыл — и вот сама
Идет волшебница зима.

XXX

Пришла, рассыпалась; клоками
Повисла на суках дубов;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокруг холмов;
Брега с недвижною рекою
Сравняла пухлой пеленою;
Блеснул мороз. И рады мы
Проказам матушки зимы.
Не радо ей лишь сердце Тани.
Нейдет она зиму встречать,
Морозной пылью подышать

И первым снегом с кровли бани
Умыть лицо, плеча и грудь:
Татьяне страшен зимний путь.

XXXI

Отъезда день давно просрочен,
Проходит и последний срок.
Осмотрен, вновь обит, упрочен
Забвенью брошенный возок.
Обоз обычный, три кибитки
Везут домашние пожитки,
Кастрюльки, стулья, сундуки,
Варенье в банках, тюфяки,
Перины, клетки с петухами,
Горшки, тазы et cetera,
Ну, много всякого добра.
И вот в избе между слугами
Поднялся шум, прощальный плач:
Ведут на двор осмнадцать кляч,

XXXII

В возок боярский их впрягают,
Готовят завтрак повара,
Горой кибитки нагружают,
Бранятся бабы, кучера.
На кляче тощей и косматой
Сидит фореитор бородатый,
Сбежалась челядь у ворот
Прощаться с барами. И вот
Уселись, и возок почтенный,
Скользя, ползет за ворота.
«Простите, мирные места!
Прости, приют уединенный!
Увижу ль вас?..» И слез ручей
У Тани льется из очей.

XXXIII

Когда благому просвещенью
Отдвинем более границ,
Современем (по расчисленью
Философических таблиц,
Лет чрез пятьсот) дороги, верно,
У нас изменятся безмерно:
Шоссе Россию здесь и тут,
Соединив, пересекут.
Мосты чугунные чрез воды
Шагнут широкою дугой,

Раздвинем горы, под водой
Пророем дерзостные своды,
И заведет крещеный мир
На каждой станции трактир.

XXXIV

Теперь у нас дороги плохи,
Мосты забытые гниют,
На станциях клопы да блохи
Заснуть минуты не дают;
Трактиров нет. В избе холодной
Высокопарный, но голодный
Для виду прейскурант висит
И тщетный дразнит аппетит,
Меж тем как сельские циклопы
Перед медлительным огнем
Российским лечат молотком
Изделье легкое Европы,
Благословляя колеи
И рвы отеческой земли.

XXXV

Зато зимы порой холодной
Езда приятна и легка.
Как стих без мысли в песне модной,
Дорога зимняя гладка.
Автомедоны наши бойки,
Неутомимы наши тройки,
И версты, теша праздный взор,
В глазах мелькают, как забор.
К несчастью, Ларина тащилась,
Боясь прогонов дорогих,
Не на почтовых, на своих,
И наша дева насладилась
Дорожной скукою вполне:
Семь суток ехали оне.

XXXVI

Но вот уж близко. Перед ними
Уж белокаменной Москвы
Как жар, крестами золотыми
Горят старинные главы.
Ах, братцы! как я был доволен,
Когда церквей и колоколен,
Садов, чертогов полукруг
Открылся предо мною вдруг!
Как часто в горестной разлуке,

В моей блуждающей судьбе,
 Москва, я думал о тебе!
 Москва... как много в этом звуке
 Для сердца русского слилось!
 Как много в нем отозвалось!

XXXVII

Вот, окружен своей дубравой,
 Петровский Замок. Мрачно он
 Недавнею гордится славой.
 Напрасно ждал Наполеон,
 Последним счастьем упоенный,
 Москвы коленопреклоненной
 С ключами старого Кремля:
 Нет, не пошла Москва моя
 К нему с повинной головою.
 Не праздник, не приемный дар,
 Она готовила пожар
 Нетерпеливому герою.
 Отселе, в думу погружен,
 Глядел на грозный пламень он.

XXXVIII¹

Прощай, свидетель падшей славы,
 Петровский замок. Ну! не стой,
 Пошел! Уже столпы заставы²
 Белеют: вот уж по Тверской
 Возок несется чрез ухабы.
 Мелькают мимо будки, бабы,
 Мальчишки³, лавки, фонари,
 Дворцы, сады, монастыри,
 Бухарцы,⁴ сани, огороды,⁵
 Купцы, лачужки, мужики,
 Бульвары, башни, казаки,
 Аптеки, магазины моды,
 Балконы, львы на воротах⁶
 И стаи галок⁷ на крестах.

XXXIX. XL

¹П. показывает две Москве Героическая и боярская

²граница Москвы

³разносчики

⁴из города Бухара, эти продавцы восточных женских шали

⁵много дворянины имели свою усадбу в Москве с огородом, конюшнои...

⁶герп

⁷птичка

В сей утомительной прогулке
Проходит час-другой, и вот
У Харитонья в переулке
Возок пред домом у ворот
Остановился. К старой тетке,
Четвертый год больной в чахотке,
Они приехали теперь.
Им настежь отворяет дверь,
В очках, в изорванном кафтане,
С чулком в руке, седой калмык.
Встречает их в гостиной крик
Княжны, простертой на диване.
Старушки с плачем обнялись,
И восклицанья полились.

XLI

— Княжна, mon ange! —
«Pachette!» — Алина! —
«Кто б мог подумать? Как давно!
Надолго ль? Милая! Кузина!
Садись — как это мудрено!
Ей-богу, сцена из романа...»
— А это дочь моя, Татьяна. —
«Ах, Таня! подойди ко мне —
Как будто брежу я во сне...
Кузина, помнишь Грандисона?»
— Как, Грандисон?.. а, Грандисон!
Да, помню, помню. Где же он? —
«В Москве, живет у Симеона;
Меня в сочельник навестил;
Недавно сына он женил.

XLII

А тот... но после все расскажем,
Не правда ль? Всей ее родне
Мы Таню завтра же покажем.
Жаль, развезжать нет мочи мне;
Едва, едва таскаю ноги.
Но вы замучены с дороги;
Пойдемте вместе отдохнуть...
Ох, силы нет... устала грудь...
Мне тяжела теперь и радость,
Не только грусть... душа моя,
Уж никуда не годна я...
Под старость жизнь такая гадость...»
И тут, совсем утомлена,
В слезах раскашлялась она.

XLIII

Больной и ласки и веселье
 Татьяну трогают; но ей
 Нехорошо на новоселье,
 Привыкшей к горнице своей.
 Под занавескою шелковой
 Не спится ей в постеле новой,
 И ранний звон колоколов,
 Предтеча утренних трудов,
 Ее с постели подымает.
 Садится Таня у окна.
 Редее сумрак; но она
 Своих полей не различает:
 Пред нею незнакомый двор,
 Конюшня, кухня и забор.

XLIV

И вот: по родственным обедам
 Развозят Таню каждый день
 Представить бабушкам и дедам
 Ее рассеянную лень.
 Родне, прибывшей издалеча,
 Повсюду ласковая встреча,
 И восклицанья, и хлеб-соль.
 «Как Таня выросла! Давно ль
 Я, кажется, тебя крестила?
 А я так на руки брала!
 А я так за уши драла!
 А я так пряником кормила!»
 И хором бабушки твердят:
 «Как наши годы-то летят!»

XLV

Но в них не видно перемены;
 Все в них на старый образец:
 У тетушки княжны Елены
 Все тот же тюлевый чепец;
 Все белится Лукерья Львовна,
 Все то же лжет Любовь Петровна,
 Иван Петрович так же глуп,
 Семен Петрович так же скуп,
 У Пелагеи Николавны
 Все тот же друг мосье Финмуш,
 И тот же шпиц, и тот же муж;
 А он, все клуба член исправный,
 Все так же смирен, так же глух

И так же ест и пьет за двух.

XLVI

Их дочки Таню обнимают.
Младые грации Москвы
Сначала молча озирают
Татьяну с ног до головы;
Ее находят что-то странной,
Провинциальной и жеманной,
И что-то бледной и худой,
А впрочем очень недурной;
Потом, покорствуя природе,
Дружатся с ней, к себе ведут,
Целуют, нежно руки жмут,
Взбивают кудри ей по моде
И поверяют нараспев
Сердечны тайны, тайны дев,

XLVII

Чужие и свои победы,
Надежды, шалости, мечты.
Текут невинные беседы
С прикрасой легкой клеветы.
Потом, в отплату лепетанья,
Ее сердечного признанья
Умильно требуют оне.
Но Таня, точно как во сне,
Их речи слышит без участия,
Не понимает ничего,
И тайну сердца своего,
Заветный клад и слез и счастья,
Хранит безмолвно между тем
И им не делится ни с кем.

XLVIII

Татьяна вслушаться желает
В беседы, в общий разговор;
Но всех в гостиную занимает
Такой бессвязный, пошлый вздор;
Все в них так бледно, равнодушно;
Они клеветают даже скучно;
В бесплодной сухости речей,
Расспросов, сплетен и вестей
Не вспыхнет мысли в целы сутки,
Хоть невзначай, хоть наобум;
Не улыбнется томный ум,
Не дрогнет сердце, хоть для шутки.

И даже глупости смешной
В тебе не встретишь, свет пустой.

XLIX

Архивны юноши толпою
На Таню чопорно глядят
И про нее между собою
Неблагодарно говорят.
Один какой-то шут печальный
Ее находит идеальной
И, прислонившись у дверей,
Элегию готовит ей.
У скучной тетки Таню встретя,
К ней как-то Вяземский подсел
И душу ей занять успел.
И, близ него ее заметя,
Об ней, поправля свой парик,
Осведомляется старик.

L

Но там, где Мельпомены бурной
Протяжный раздается вой,
Где машет мантией мишурной
Она пред хладною толпой,
Где Талия тихонько дремлет
И плескам дружеским не внимлет,
Где Терпсихоре лишь одной
Дивится зритель молодой
(Что было также в прежни леты,
Во время ваше и мое),
Не обратились на нее
Ни дам ревнивые лорнеты,
Ни трубки модных знатоков
Из лож и кресельных рядов.

LI

Ее привозят и в Собрание.
Там теснота, волнение, жар,
Музыки грохот, свеч блистанье,
Мельканье, вихорь быстрых пар,
Красавиц легкие уборы,
Людьми пестреющие хоры,
Невест обширный полукруг,
Все чувства поражает вдруг.
Здесь кажут франты записные
Свое нахальство, свой жилет
И невнимательный лорнет.

Сюда гусары отпускные
Спешат явиться, прогреметь,
Блеснуть, пленить и улететь.

LII

У ночи много звезд прелестных,
Красавиц много на Москве.
Но ярче всех подруг небесных
Луна в воздушной синеве.
Но та, которую не смею
Тревожить лирою моею,
Как величавая луна,
Средь жен и дев блеснит одна.
С какою гордостью небесной
Земли касается она!
Как негой грудь ее полна!
Как томен взор ее чудесный!..
Но полно, полно; перестань:
Ты заплатил безумству дань.

LIII

Шум, хохот, беготня, поклоны,
Галоп, мазурка, вальс... Меж тем,
Между двух теток у колонны,
Не замечаема никем,
Татьяна смотрит и не видит,
Волнение света ненавидит;
Ей душно здесь... она мечтой
Стремится к жизни полевой,
В деревню, к бедным поселянам,
В уединенный уголок,
Где льется светлый ручеек,
К своим цветам, к своим романам
И в сумрак липовых аллей,
Туда, где он являлся ей.

LIV

Так мысль ее далече
Забыт и свет и шумный бал,
А глаз меж тем с нее не сводит
Какой-то важный генерал.
Друг другу тетушки мигнули
И локтем Таню враз толкнули,
И каждая шепнула ей:
— Взгляни налево поскорей. —
«Налево? где? что там такое?»
— Ну, что бы ни было, гляди...

В той кучке, видишь? впереди,
Там, где еще в мундирах двое. . .
Вот отошел. . . вот боком стал. . . —
«Кто? толстый этот генерал?»

LV

Но здесь с победою поздравим
Татьяну милую мою
И в сторону свой путь направим,
Чтоб не забыть, о ком пою. . .
Да кстати, здесь о том два слова:
Пою приятеля младого
И множество его причуд.
Благослови мой долгий труд,
О ты, эпическая муза!
И, верный посох мне вручив,
Не дай блуждать мне вкось и вкрив.
Довольно. С плеч долой обуза!
Я классицизму отдал честь:
Хоть поздно, а вступление есть.

Глава 2

Седмая глава

Время работы П над серединой седьмой главы (апрель 1828 г., подробнее см. в разделе «Хронология работы Пушкина над романом») совпадало со сложными процессами в творчестве П. В сознании поэта боролись две — в этот период противоположные и не находившие синтеза — тенденции. Первая из них — стремление к историзму, которое толкало П к принятию объективного хода исторических событий в том виде, в каком они даны в реальной действительности. С этих позиций требования, предъявляемые отдельной личностью к истории, третиrowались как «романтизм» и «эгоизм». Не лишённые оттенка «примирения с действительностью», такие настроения давали, однако, мощный толчок реалистическому и историческому сознанию и определили целый ряд антиромантических выступлений в творчестве П этих лет (от «Полтавы» и «Стансов» (1826) до заметки о драмах Байрона). Однако пока ещё подспудно, в черновиках и глубинах сознания зрела мысль о непреходящей ценности человеческой личности и о необходимости мерить исторический прогресс счастьем и правами отдельного человека. «Герой, будь прежде человек» (1826) (VI, 411). «И нас они (домашние божества. — Ю. Л. У науке первой учат — Чтить самого себя» (1829) (III, 1, 193), «Оставь герою сердце! Что же Он будет без него? Тиран...» (1830) (III, 1, 253) — такова цепь высказываний, которая закономерно приводит к «Медному всаднику» и «Капитанской дочке».

Глава 3

Петровский Замок

Дворцовый ансамбль — первая самостоятельная работа Матвея Казакова. Зодчий, впоследствии перестроивший центр Москвы в палладианском стиле, для дворца на окраине города выбрал псевдоготику, объединив мотивы древнерусской, готической и восточной архитектуры.

Расположилось величественное здание со стрельчатыми окнами на землях Высоко-Петровского монастыря. За что дворец и стал именоваться Петровским. Второе название — Путевой — объясняется его предназначением: для отдыха по пути из Петербурга в Москву. Дорога неблизкая — 700 километров.

Прообразом здания послужил временный город-театр в турецком стиле, построенный Василием Баженовым на Ходынском поле для торжеств по случаю подписания Кучук-Кайнаджирского мирного договора.

Императрице работа понравилась, и она захотела похожий дворец. По задумке архитектора центральный купол символизировал православный храм, возвышаясь над башнями-минаретами, встроенными в боковые флигели. Богатство и величие Российской империи подчеркивали многочисленные лепные украшения, а пейзажный парк с гротами и беседками добавлял резиденции уюта. Останавливалась Екатерина II в узорчатом замке лишь однажды, в 1787 году.

Спустя 10 лет путевую резиденцию посетил перед коронацией Павел I. А впоследствии и Николай II.

В 1812 году императорский замок на время стал ставкой Наполеона. Бонапарт покинул охваченный огнем Кремль и наблюдал из окна дворца за тем, как полыхает Москва.

Вот, окружен своей дубравой,
Петровский замок. Мрачно он
Недавнею гордится славой.
Напрасно ждал Наполеон,
Последним счастьем упоенный,
Москвы коленопреклоненной
С ключами старого Кремля:
Нет, не пошла Москва моя

К нему с повинной головою.
Не праздник, не приемный дар,
Она готовила пожар
Нетерпеливому герою.
Отселе, в думу погружен,
Глядел на грозный пламень он.

Так описывал те события Пушкин в «Евгении Онегине».

Но лагерь французской армии размещался здесь недолго, всего четыре дня. Что не помешало солдатам и офицерам разграбить дворец и практически уничтожить парк. Выстояли только стены. После бегства французов в боковых крыльях был устроен временный госпиталь.

Глава 4

Capitolo 8

*Fare thee well, and if for ever
Still for ever fare thee well.*

Byron.

I

В те дни, когда в садах Лицея Я безмятежно расцветал, Читал охотно Апулея, А Цицерона не читал, В те дни в таинственных долинах, Весной, при кликах лебединых, Близ вод, сиявших в тишине, Являться муза стала мне. Моя студенческая келья Вдруг озарилась: муза в ней Открыла пир молодых затей, Воспела детские веселья, И славу нашей старины, И сердца трепетные сны. II И свет ее с улыбкой встретил; Успех нас первый окрылил; Старик Державин нас заметил И в гроб сходя, благословил.
.
. III И я, в закон себе вменяя Страстей единый произвол, С толпою чувства разделяя, Я музу резвую привел На шум пиров и буйных споров, Грозы полуночных дозоров; И к ним в безумные пиры Она несла свои дары И как вакханочка резвилась, За чашей пела для гостей, И молодежь минувших дней За нею буйно волочилась, А я гордился меж друзей Подругой ветреной моей. IV Но я отстал от их союза И вдаль бежал. . . Она за мной. Как часто ласковая муза Мне услаждала путь немой Волшебством тайного рассказа! Как часто по скалам Кавказа Она Ленорой, при луне, Со мной скакала на коне! Как часто по берегам Тавриды Она меня во мгле ночной Водила слушать шум морской, Немолчный шепот Нереиды, Глубокий, вечный хор валов, Хвалебный гимн отцу миров. V И, позабыв столицы дальней И блеск и шумные пиры, В глуши Молдавии печальной Она смиренные шатры

Племен бродящих посещала, И между ими одичала, И позабыла речь богов Для скудных, странных языков, Для песен степи, ей любезной. . . Вдруг изменилось все кругом, И вот она в саду моем Явилась барышней уездной, С печальной думою в очах, С французской книжкою в руках. VI И ныне музу я впервые На светский раут привожу; На прелести ее степные С ревнивой робостью гляжу. Сквозь тесный ряд аристократов, Военных франтов, дипломатов И гордых дам она скользит; Вот села тихо и глядит, Любуясь шумной теснотою, Мельканьем платьев и речей, Явленьем медленным гостей Перед хозяйкой молодою И темной рамою мужчин Вкруг дам как около картин. VII Ей нравится порядок стройный Олигархических бесед, И холод гордости спокойной, И эта смесь чинов и лет. Но это кто в толпе избранной Стоит безмолвный и туманный? Для всех он кажется чужим. Мелькают лица перед ним Как ряд докучных привидений. Что, сплин иль страждущая спесь В его лице? Зачем он здесь? Кто он таков? Ужель Евгений? Ужели он?.. Так, точно он. — Давно ли к нам он занесен? VIII Все тот же ль он иль усмирился? Иль корчит также чудака? Скажите: чем он возвратился? Что нам представит он пока? Чем ныне явится? Мельмотом, Космополитом, патриотом, Гарольдом, квакером, ханжой, Иль маской щегольнет иной, Иль просто будет добрый малый, Как вы да я, как целый свет? По крайней мере мой совет: Отстать от моды обветшалай. Довольно он морочил свет. . . — Знаком он вам? — И да и нет. IX — Зачем же так неблагосклонно Вы отзываетесь о нем? За то ль, что мы неугомонно Хлопочем, судим обо всем, Что пылких душ неосторожность Самолюбивую ничтожность Иль оскорбляет, иль смешит, Что ум, любя простор, теснит, Что слишком часто разговоры Принять мы рады за дела, Что глупость ветрена и зла, Что важным людям важны вздоры И что посредственность одна Нам по плечу и не странна? X Блажен, кто смолоду был молод, Блажен, кто вовремя созрел, Кто постепенно жизни холод С летами вытерпеть умел; Кто странным снам не предавался, Кто черни светской не чуждался, Кто в двадцать лет был франт иль хват, А в тридцать выгодно женат; Кто в пятьдесят освободился От частных и других долгов, Кто славы, денег и чинов Спокойно в очередь добился, О ком твердили целый век: N. N. прекрасный человек. XI Но грустно думать, что напрасно Была нам молодость дана, Что изменяли ей всечасно, Что обманула нас она; Что наши лучшие желанья, Что наши свежие мечтанья Истлели быстрой чередой, Как листья осенью гнилой. Несносно видеть пред собою Одних обедов длинный ряд, Глядеть на жизнь, как на обряд, И вслед за чинною толпою Идти, не разделяя с ней Ни общих мнений, ни

страстей. XII Предметом став суждений шумных, Несносно (согласитесь в том) Между людей благоразумных Прослыть притворным чудаком, Или печальным сумасбродом, Иль сатаническим уродом, Иль даже демоном моим. Онегин (вновь займуся им), Убив на поединке друга, Дожив без цели, без трудов До двадцати шести годов, Томясь в бездействии досуга Без службы, без жены, без дел, Ничем заняться не умел. XIII Им овладело беспокойство, Охота к перемене мест (Весьма мучительное свойство, Немногих добровольный крест). Оставил он свое селенье, Лесов и нив уединенье, Где окровавленная тень Ему являлась каждый день, И начал странствия без цели, Доступный чувству одному; И путешествия ему, Как все на свете, надоели; Он возвратился и попал, Как Чацкий, с корабля на бал. XIV Но вот толпа заколебалась, По зале шепот пробежал. . . К хозяйке дама приближалась, За нею важный генерал. Она была нетороплива, Не холодна, не говорлива, Без взора наглого для всех, Без притязаний на успех, Без этих маленьких ужимок, Без подражательных затей. . . Все тихо, просто было в ней, Она казалась верный снимок *Du comme il faut*. . . (Шишков, прости: Не знаю, как перевести.) XV К ней дамы подвигались ближе; Старушки улыбались ей; Мужчины кланялись ниже, Ловили взор ее очей; Девушки проходили тише Пред ней по зале, и всех выше И нос и плечи подымал Вошедший с нею генерал. Никто б не мог ее прекрасной Назвать; но с головы до ног Никто бы в ней найти не мог Того, что модой самовластной В высоком лондонском кругу Зовется *vulgar*. (Не могу. . . XVI Люблю я очень это слово, Но не могу перевести; Оно у нас покамест ново, И вряд ли быть ему в чести. Оно б годилось в эпиграмме. . .) Но обращаюсь к нашей даме. Беспечной прелестью мила, Она сидела у стола С блестящей Ниной Воронскою, Сей Клеопатрою Невы; И верно б согласились вы, Что Нина мраморной красою Затмить соседку не могла, Хоть ослепительна была. XVII «Ужели, — думает Евгений: — Ужель она? Но точно. . . Нет. . . Как! из глуши степных селений. . .» И неотвязчивый лорнет Он обращает поминутно На ту, чей вид напомнил смутно Ему забытые черты. «Скажи мне, князь, не знаешь ты, Кто там в малиновом берете С послом испанским говорит?» Князь на Онегина глядит. — Ага! давно ж ты не был в свете. Постой, тебя представлю я. — «Да кто ж она?» — Жена моя. — XVIII «Так ты женат! не знал я ране! Давно ли?» — Около двух лет. — «На ком?» — На Лариной. — «Татьяне!» — Ты ей знаком? — «Я им сосед». — О, так пойдем же. — Князь подходит К своей жене и ей подводит Родню и друга своего. Княгиня смотрит на него. . . И что ей душу ни смутило, Как сильно ни была она Удивлена, поражена, Но ей ничто не изменило: В ней

сохранился тот же тон, Был так же тих ее поклон. XIX Ей-ей! не то, чтоб содрогнулась Иль стала вдруг бледна, красна. . . У ней и бровь не шевельнулась; Не сжала даже губ она. Хоть он глядел нельзя прилежней, Но и следов Татьяны прежней Не мог Онегин обрести. С ней речь хотел он завести И — и не мог. Она спросила, Давно ль он здесь, откуда он И не из их ли уж сторон? Потом к супругу обратила Усталый взгляд; скользнула вон. . . И недвижим остался он. XX Ужель та самая Татьяна, Которой он наедине, В начале нашего романа, В глухой, далекой стороне, В благом пылу нравоученья, Читал когда-то наставленья, Та, от которой он хранит Письмо, где сердце говорит, Где все наруже, все на воле, Та девочка. . . иль это сон?.. Та девочка, которой он Пренебрегал в смиренной доле, Ужели с ним сейчас была Так равнодушна, так смела? XXI Он оставляет раут тесный, Домой задумчив едет он; Мечтой то грустной, то прелестной Его встревожен поздний сон. Проснулся он; ему приносят Письмо: князь N покорно просит Его на вечер. «Боже! к ней!.. О буду, буду!» и скорей Марают он ответ учтивый. Что с ним? в каком он странном сне! Что шевельнулось в глубине Души холодной и ленивой? Досада? суетность? иль вновь Забота юности — любовь? XXII Онегин вновь часы считает, Вновь не дожидется дня конца. Но десять бьет; он выезжает, Он полетел, он у крыльца, Он с трепетом к княгине входит; Татьяну он одну находит, И вместе несколько минут Они сидят. Слова нейдут Из уст Онегина. Угрюмый, Неловкий, он едва-едва Ей отвечает. Голова Его полна упрямой думой. Упрямо смотрит он: она Сидит покойна и вольна. XXIII Приходит муж. Он прерывает Сей неприятный tete-a-tete; С Онегиным он вспоминает Проказы, шутки прежних лет. Они смеются. Входят гости. Вот крупной солью светской злости Стал оживляться разговор; Перед хозяйкой легкий вздор Сверкал без глупого жеманства, И прерывал его меж тем Разумный толк без пошлых тем, Без вечных истин, без педантизма, И не пугал ничьих ушей Свободной живостью своей. XXIV Тут был, однако, цвет столицы, И знать, и моды образцы, Везде встречаемые лица, Необходимые глупцы; Тут были дамы пожилые В чепцах и в розах, с виду злые; Тут было несколько девиц, Не улыбающихся лиц; Тут был посланник, говоривший О государственных делах; Тут был в душистых сединах Старик, по-старому шутивший: Отменно тонко и умно, Что нынче несколько смешно. XXV Тут был на эпиграммы падкий, На все сердитый господин: На чай хозяйский слишком сладкий, На плоскость дам, на тон мужчин, На толки про роман туманный, На вензель, двум сестрицам данный, На ложь журналов, на войну, На снег и на свою жену.

.....
 XXVI Тут был Проласов, заслуживший Известность низостью души, Во всех альбомах притупивший, St.-Priest, твои карандаши; В дверях другой диктатор бальный Стоял картинкою журнальной, Румян, как вербный херувим, Затянут, нем и недвижим, И путешественник залетный, Перекрахмаленный нахал, В гостях улыбку возбуждал Своей осанкою заботной, И молча обмененный взор Ему был общий приговор. XXVII Но мой Онегин вечер целый Татьяной занят был одной, Не этой девочкой несмелой, Влюбленной, бедной и простой, Но равнодушною княгиней, Но неприступною богиней Роскошной, царственной Невы. О люди! все похожи вы На прародительницу Эву: Что вам дано, то не влечет, Вас непрестанно змий зовет К себе, к таинственному древу; Запретный плод вам подавай: А без того вам рай не рай. XXVIII Как изменилася Татьяна! Как твердо в роль свою вошла! Как утешительного сана Приемы скоро приняла! Кто б смел искать девчонки нежной В сей величавой, в сей небрежной Законодательнице зал? И он ей сердце волновал! Об нем она во мраке ночи, Пока Морфей не прилетит, Бывало, девственно грустит, К луне подымлет томны очи, Мечтая с ним когда-нибудь Свершить смиренный жизни путь! XXIX Любви все возрасты покорны; Но юным, девственным сердцам Ее порывы благотворны, Как бури внешние полям: В дожде страстей они свежеют, И обновляются, и зреют — И жизнь могущая дает И пышный цвет и сладкий плод. Но в возраст поздний и бесплодный, На повороте наших лет, Печален страсти мертвой след: Так бури осени холодной В болото обращают луг И обнажают лес вокруг. XXX Сомненья нет: увы! Евгений В Татьяну как дитя влюблен; В тоске любовных помышлений И день и ночь проводит он. Ума не внемля строгим пеням, К ее крыльцу, стеклянным сеням Он подъезжает каждый день; За ней он гонится как тень; Он счастлив, если ей накинёт Боа пушистый на плечо, Или коснется горячо Ее руки, или раздвинет Пред нею пестрый полк ливрей, Или платок подымет ей. XXXI Она его не замечает, Как он ни бейся, хоть умри. Свободно дома принимает, В гостях с ним молвит слова три, Порой одним поклоном встретит, Порою вовсе не заметит: Кокетства в ней ни капли нет — Его не терпит высший свет. Бледнеть Онегин начинает: Ей иль не видно, иль не жаль; Онегин сохнет — и едва ль Уж не чахоткою страдает. Все шлют Онегина к врачам, Те хором шлют его к водам. XXXII А он не едет; он заране Писать ко прадедам готов О скорой встрече; а Татьяне И дела нет (их пол таков); А он упрям, отстать не хочет, Еще надеется, хлопочет; Смелей здорового, больной, Княгине слабою рукой Он пишет страстное посланье. Хоть толку мало

вообще Он в письмах видел не вотще; Но, зная, сердечное страданье Уже пришло ему невмочь. Вот вам письмо его точь-в-точь. Письмо Онегина к Татьяне Предвижу все: вас оскорбит Печальной тайны объясненье. Какое горькое презренье Ваш гордый взгляд изобразит! Чего хочу? с какою целью Открою душу вам свою? Какому злобному веселью, Быть может, повод подаю! Случайно вас когда-то встретя, В вас искру нежности заметя, Я ей поверить не посмел: Привычке милой не дал ходу; Свою постылую свободу Я потерять не захотел. Еще одно нас разлучило... Несчастной жертвой Ленский пал... Ото всего, что сердцу мило, Тогда я сердце оторвал; Чужой для всех, ничем не связан, Я думал: вольность и покой Замена счастью. Боже мой! Как я ошибся, как наказан. Нет, поминутно видеть вас, Повсюду следовать за вами, Улыбку уст, движенье глаз Ловить влюбленными глазами, Внимать вам долго, понимать Душой все ваше совершенство, Пред вами в муках замирать, Бледнеть и гаснуть... вот блаженство! И я лишен того: для вас Тащусь повсюду наудачу; Мне дорог день, мне дорог час: А я в напрасной скуке трачу Судьбой отсчитанные дни. И так уж тягостны они. Я знаю: век уж мой измерен; Но чтоб продлилась жизнь моя, Я утром должен быть уверен, Что с вами днем увижусь я... Боюсь: в мольбе моей смиренной Увидит ваш суровый взор Затеи хитрости презренной — И слышу гневный ваш укор. Когда б вы знали, как ужасно Томиться жаждою любви, Пылать — и разумом всечасно Смирять волнение в крови; Желать обнять у вас колени И, зарыдав, у ваших ног Излить мольбы, признанья, пени, Все, что выразить бы мог, А между тем притворным холодом Вооружать и речь и взор, Вести спокойный разговор, Глядеть на вас веселым взглядом!.. Но так и быть: я сам себе Противиться не в силах боле; Все решено: я в вашей воле И предаюсь моей судьбе. XXXIII Ответа нет. Он вновь посланье: Второму, третьему письму Ответа нет. В одно собранье Он едет; лишь вошел... ему Она навстречу. Как сурова! Его не видят, с ним ни слова; У! как теперь окружена Крещенским холодом она! Как удержать негодование Уста упрямые хотят! Вперил Онегин зоркий взгляд: Где, где смятенье, состраданье? Где пятна слез?... Их нет, их нет! На сем лице лишь гнева след... XXXIV Да, может быть, боязни тайной, Чтоб муж иль свет не угадал Проказы, слабости случайной... Всего, что мой Онегин знал... Надежды нет! Он уезжает, Свое безумство проклиная — И, в нем глубоко погружен, От света вновь отрекся он. И в молчаливом кабинете Ему припомнилась пора, Когда жестокая хандра За ним гналася в шумном свете, Поймала, за ворот взяла И в темный угол заперла. XXXV Стал вновь читать он без разбора. Прочел он Гиббона, Руссо,

Манзони, Гердера, Шамфора, Madame de Stael, Биша, Тиссо, Прочел скептического Бея, Прочел творенья Фонтенеля, Прочел из наших кой-кого, Не отвергая ничего: И альманахи, и журналы, Где поученья нам твердят, Где нынче так меня бранят, А где такие мадригалы Себе встречал я иногда: *E sempre bene*, господа. XXXVI И что ж? Глаза его читали, Но мысли были далеко; Мечты, желания, печали Теснились в душу глубоко. Он меж печатными строками Читал духовными глазами Другие строки. В них-то он Был совершенно углублен. То были тайные преданья Сердечной, темной старины, Ни с чем не связанные сны, Угрозы, толки, предсказанья, Иль длинной сказки вздор живой, Иль письма девы молодой. XXXVII И постепенно в усыпление И чувств и дум впадает он, А перед ним воображение Свой пестрый мечет фараон. То видит он: на талом снеге, Как будто спящий на ночлеге, Недвижим юноша лежит, И слышит голос: что ж? убит. То видит он врагов забвенных, Клеветников, и трусов злых, И рой изменниц молодых, И круг товарищей презренных, То сельский дом — и у окна Сидит она... и все она!.. XXXVIII Он так привык теряться в этом, Что чуть с ума не своротил Или не сделался поэтом. Признаться: то-то б одолжил! А точно: силой магнетизма Стихов российских механизма Едва в то время не постиг Мой бестолковый ученик. Как походил он на поэта, Когда в углу сидел один, И перед ним пылал камин, И он мурлыкал: *Benedetta* Иль *Idol mio* и ронял В огонь то туфлю, то журнал. XXXIX Дни мчались; в воздухе нагретом Уж разрешалась зима; И он не сделался поэтом, Не умер, не сошел с ума. Весна живет его: впервые Свои покои запертые, Где зимовал он, как сурок, Двойные окны, камелек Он ясным утром оставляет, Несется вдоль Невы в санях. На синих, иссеченных льдах Играет солнце; грязно тает На улицах разрытый снег. Куда по нем свой быстрый бег. XL Стремит Онегин? Вы заране Уж угадали; точно так: Примчался к ней, к своей Татьяне Мой неисправленный чудак. Идет, на мертвеца похожий. Нет ни одной души в прихожей. Он в залу; дальше: никого. Дверь отворил он. Что ж его С такою силой поражает? Княгиня перед ним, одна, Сидит, не убрана, бледна, Письмо какое-то читает И тихо слезы льет рекой, Опершись на руку щекой. XLI О, кто б немых ее страданий В сей быстрый миг не прочитал! Кто прежней Тани, бедной Тани Теперь в княгине б не узнал! В тоске безумных сожалений К ее ногам упал Евгений; Она вздрогнула и молчит; И на Онегина глядит Без удивления, без гнева... Его больной, угасший взор, Молящий вид, немой укор, Ей внятно все. Простая дева, С мечтами, сердцем прежних дней, Теперь опять воскресла в ней. XLII Она его не подымает И, не сводя

с него очей, От жадных уст не отымают Бесчувственной руки своей. . . О чем теперь ее мечтанье? Проходит долгое молчанье, И тихо наконец она: «Довольно; встаньте. Я должна Вам объясниться откровенно. Онегин, помните ль тот час, Когда в саду, в аллее нас Судьба свела, и так смиренно Урок ваш выслушала я? Сегодня очередь моя. XLIII Онегин, я тогда моложе, Я лучше, кажется, была, И я любила вас; и что же? Что в сердце вашем я нашла? Какой ответ? одну суровость. Не правда ль? Вам была не новость Смиренной девочки любовь? И нынче — боже! — стынет кровь, Как только вспомню взгляд холодный И эту проповедь. . . Но вас Я не виню: в тот страшный час Вы поступили благородно, Вы были правы предо мной: Я благодарна всей душой. . . XLIV Тогда — не правда ли? — в пустыне, Вдали от суетной молвы, Я вам не нравилась. . . Что ж ныне Меня преследуете вы? Зачем у вас я на примете? Не потому ль, что в высшем свете Теперь являться я должна; Что я богата и знатна, Что муж в сраженьях изувечен, Что нас за то ласкает двор? Не потому ль, что мой позор Теперь бы всеми был замечен, И мог бы в обществе принести Вам соблазнительную честь? XLV Я плачу. . . если вашей Тани Вы не забыли до сих пор, То знайте: колкость вашей брани, Холодный, строгий разговор, Когда б в моей лишь было власти, Я предпочла б обидной страсти И этим письмам и слезам. К моим младенческим мечтам Тогда имели вы хоть жалость, Хоть уважение к летам. . . А нынче! — что к моим ногам Вас привело? какая малость! Как с вашим сердцем и умом Быть чувства мелкого рабом? XLVI А мне, Онегин, пышность эта, Постылой жизни мишура, Мои успехи в вихре света, Мой модный дом и вечера, Что в них? Сейчас отдать я рада Всю эту ветошь маскарада, Весь этот блеск, и шум, и чад За полку книг, за дикий сад, За наше бедное жилище, За те места, где в первый раз, Онегин, видела я вас, Да за смиренное кладбище, Где нынче крест и тень ветвей Над бедной нянею моей. . . XLVII А счастье было так возможно, Так близко!.. Но судьба моя Уж решена. Неосторожно, Быть может, поступила я: Меня с слезами заклиний Молила мать; для бедной Тани Все были жребии равны. . . Я вышла замуж. Вы должны, Я вас прошу, меня оставить; Я знаю: в вашем сердце есть И гордость и прямая честь. Я вас люблю (к чему лукавить?), Но я другому отдана; Я буду век ему верна». XLVIII Она ушла. Стоит Евгений, Как будто громом поражен. В какую бурю ощущений Теперь он сердцем погружен! Но шпор незапный звон раздался, И муж Татьянин показался, И здесь героя моего, В минуту, злую для него, Читатель, мы теперь оставим, Надолго. . . навсегда. За ним Довольно мы путем одним Бродили по свету. Поздравим Друг друга с бере-

гом. Ура! Давно б (не правда ли?) пора! XLIX Кто б ни был ты, о мой читатель, Друг, недруг, я хочу с тобой Расстаться нынче как приятель. Прости. Чего бы ты за мной Здесь ни искал в строфах небрежных, Воспоминаний ли мятежных, Отдохновенья ль от трудов, Живых картин, иль острых слов, Иль грамматических ошибок, Дай бог, чтоб в этой книжке ты Для развлечения, для мечты, Для сердца, для журнальных сшибок Хотя крупину мог найти. За сим расстанемся, прости! L Прости ж и ты, мой спутник странный, И ты, мой верный идеал, И ты, живой и постоянный, Хоть малый труд. Я с вами знал Все, что завидно для поэта: Забвенье жизни в бурях света, Беседу сладкую друзей. Промчалось много, много дней С тех пор, как юная Татьяна И с ней Онегин в смутном сне Явились впервые мне — И даль свободного романа Я сквозь магический кристалл Еще не ясно различал. LI Но те, которым в дружной встрече Я строфы первые читал... Иных уж нет, а те далече, Как Сади некогда сказал. Без них Онегин дорисован. А та, с которой образован Татьяны милый идеал... О много, много рок отъял! Блажен, кто праздник жизни рано Оставил, не допив до дна Бокала полного вина, Кто не дочел ее романа И вдруг умел расстаться с ним, Как я с Онегиным моим. Конец 1830 г.

Приложение А

Appendice

A.1 Fare thee Well

начало стихотворения Байрона «Fare thee well» из цикла Poems of separations («Стихи о разводе»), 1816.
(«Прощай,и если навсегда, то навсегда прощай»).

A.1.1 Dettaglio

Puoi aggiungere testo, figure, tabelle o altre informazioni.

Questa è la sezione che sarà referenziabile.

- Questo è un elenco nell'appendice.
- Puoi aggiungere contenuti specifici per il tuo documento.